

Сюжет в системе культурных универсалий: Бунин, Восток и Запад русской эмиграции

УДК 821.161.1.09”20”
DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-166-175

Сон в прозе Гайто Газданова как анарративная стратегия

Е. Е. Иванов

*Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия*

Аннотация

Подрывающие очевидность событий анарративные элементы описываются как система противопоставления вечности (яви) и сновидности текущей реальности. Проводится разграничение понятий «довоплощение» и «перерождение». Анализ анарративности в метаповествовании позволяет разделить мир становления нарратора и метафизический мир автора-творца.

Ключевые слова

сюжетное действие, автор, нарратор, анарративное, иное

Для цитирования

Иванов Е. Е. Сон в прозе Гайто Газданова как анарративная стратегия // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1. С. 166–175. DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-166-175

Dream in Prose by Gaito Gazdanov as an Anarrative Strategy

E. E. Ivanov

*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Abstract

The article discusses sleep as an anarrative author's strategy. The special role of this motif in the writer's metaromantic cycle is indicated by its presence in strong positions of the text ("Evening at Claire's", "The Ghost of Alexander Wolf", "Awakening") and the generalization of the theme of sleep in works with stories about the Civil War and post-war emigration ("The Prisoner", "Return of the Buddha"). Anarrative elements that undermine the evidence of events are described as a system of opposing the current state of affairs of eternity. In this connection, in the first novel by G. Gazdanov, an incomplete "love triangle" is analyzed – the absence of Claire's husband as a motivated witness to the reliability of the narrative, "errors" in the sequence of events, as well as a number of strange, mysterious words and expressions. Anarrativity allows us to separate the world of becoming a narrator and the metaphysical world of the author-creator. As a result of the structural-typological analysis, a distinction is made between the concepts of "pre-incarnation" and "rebirth" in the writer's thesaurus.

© Е. Е. Иванов, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 1

The first forms a narrative model of “catching” in the world of illusions, and it is connected with the outlook of the heroes who have lost their native soil and are trying to overcome dependence on external circumstances. Second, “rebirth” refers to the “outside” position of the author-creator, which is attributed to the penetration of anarrative elements in novels with traces of experience of participation in war. In later texts, anarrativity flows into narration, and the author’s voice does not create dissonance in the discourse of G. Gazdanov’s dominant themes: “contemplation”, “randomness of the nonrandom”, the neighborhood of “life” and “death”, each of which intersects with the idea of a dream existence. Being a universal, sleep (a state akin to hypnosis) turns out to be the ultimate form of contingency, a fatal trap of the loss of selfhood, on the one hand, on the other, as a dream, it can be a mode of creative transformation of the world. As an alternative to this opposition, there is a mode of existence beyond the extremes of the thoughtless (mainly, these are the images of officers in “Evening at Claire’s” and “The Prisoner”) or intellectually exalted (narrators in post-war novels) ways of life, demonstrated in the active manifestation of altruism and compassion of the “average Frenchman” Pierre (“Awakening”).

Keywords

plot action, author, narrator, anarrative, other

For citation

Ivanov E. E. Dream in Prose by Gaito Gazdanov as an Anarrative Strategy. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 1, p. 166–175. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-1-166-175

Онейротопика задана в сильной позиции концовки «Вечера у Клэр» как метароманная установка¹ на ирреалистическое сочетание «небожественной» [Газданов, 2009, т. 1, с. 148]² действительности и «инога», неземного, венаходимого. Авторская интенция к созданию идеала – «инога образа» (т. 1, с. 146) Клэр, контактированного с иным образом площади Согласия (т. 1, с. 160), – канализирует посттравматический опыт войны и выглядит как аннигиляция «ужасов истории». Вымороченный дискурс насилия предстает «кошмаром разума», который трансформируется из идеи «убийства по праву» Раскольникова в идею «защиты жизни» Александра Вольфа³ и принимает масштаб «эпидемии сна» в «Пленнике», которая парафразирует сон «вечного студента», героя Ф. Достоевского, об эпидемии

¹ В «Вечере у Клэр» несколько кругов сна (грезы, наваждение, фантазм, состояние измененного сознания), определяет которые способность героя к созданию воображаемых миров. Ирреально-сновидному отводится ведущая роль в «Возвращении Будды», нуминозный фантом побеждает в «Пленнике», а в «Призраке Александра Вольфа» «сонная муть» (т. 3, с. 6) побеждает безмянного нарратора в его неприкаянном блуждании в хронотопе войны и эмиграции. Безмянному нарратору, возможно, снится кошмар, как он совершает убийство незнакомца, легитимизированное военной обстановкой, которое впоследствии предстает не просто нелепостью, но и «крайней формой трансгрессии» [Иванов, 2020, с. 315]. Метафора сна определяет гуманистическое содержание романа «Пробуждение».

² Далее произведения Г. Газданова цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках.

³ Интертекстуальным отголоском романа «Преступление и наказание» Ф. Достоевского можно считать слово «наказание» в экспозиции «Призрака Александра Вольфа», намекающее на «вседозволенность», легитимность «убийства» в условиях войны: «Никакое наказание мне никогда не угрожало, так как это случилось в очень исключительных обстоятельствах» (т. 3, с. 5).

«трихин», порабошающих сознание эгоистическими мыслями. В отличие от персонажей Ф. Достоевского и И. Бунина [Юрьева, 2018], автобиографический герой Г. Газданова Соседов видит себя «каким-то русским иностранцем» (т. 1, с. 135), а в «Пленнике» антропософская устремленность автора отчетливо принимает планетарную мерность в виде неожиданного вопроса, направленного к читателю из неизвестного: «это в ночной темноте тихо вздрагивает и колеблется огромная тяжесть вращающейся земли?» (т. 1, с. 699).

Целью исследования ставилось выделить точку зрения автора-творца, выявить приемы, подрывающие нарратив, и определить роль анарративных формантов в ракурсе сновидности. Методологической опорой для интерпретации авторской позиции стала концепция М. Бахтина, отраженная в его статье «К философии поступка». Бахтин выносит Я автора за грань «эстетического бытия» как «созерцаемой прошлой жизни других людей... себя я не найду в ней, но лишь своего двойника-самозванца, я могу лишь играть в нём роль, т. е. облекать в плоть-маску другого-умершего» [1995, с. 32]. Повествуемый мир прозы Г. Газданова дан в ракурсе «образа автора» – представителя «незамеченного поколения». Газдановский повествователь – креатура загадочного мира, проецирующая созерцательную оптику «сверхавтора» [Тюпа, 2020, с. 26], преодолевшего страх смерти⁴. Интенция автора придает «сверхсюжету жизни под знаком смерти» [Проскурина, 2018, с. 116] «огонь душевный» [Достоевский, 1996, с. 14].

Вертикальная внеаходимость автора обнаруживается темпоральным несовпадением времени и вечности в кругозоре главного героя. Запаздывания героя в «Вечере у Клэр», унаследованные им от отца, который «всегда и всюду опаздывал» (т. 1, с. 53), противника суеты и спешки, хладнокровного в экстремальных ситуациях, принимают форму оцепенения в кризисных положениях жизни, некоего «зависания» над выбором. Мотив убережения от ошибочного движения как присутствие высшей силы возникает с первых воспоминаний героя. Случай, когда Николай чуть не выпал из окна предстает «агиографическим⁵ субстратом» [Лурье, 2009, с. 57] чудесного спасения, как первое свидетельство провиденциальной направленности героя по жизненному пути и указание на его избранность. В отличие от отца-жизнелюбца, боявшегося смерти, Соседов ощущает свою жизнь как миссию и метафизический проект, смысл которой он стремится разгадать или, лучше сказать, вспомнить.

Уже в первом предложении романа намечается сбой субъективного и объективного времени во внешней жизни я-рассказчика, вызванный медитативностью, погруженностью в себя, которую он предпочитает скрывать, а «неизменные опаздывания к последнему поезду метрополитена» (т. 1, с. 39) никто не видит. На та-

⁴ «Моя внутренняя жизнь начинала существовать вопреки непосредственным событиям» (т. 1, с. 53).

⁵ В «Вечере у Клэр» кроме упоминания св. Антония, основателя христианского монашества, есть анарративно большая по размеру прямая цитата из «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного». «Божиею волею, на полке порох пыхнул, а пищаль не стреляла» (т. 1, с. 109), – зачитывает учитель Соседова отрывок о божественном вмешательстве. Этот эпизод вместе с мотивом «руки» (у Аввакума – поврежденной бессильным укусом «начальника», а в «Пленнике» – удар чудесной культёй) трансформировался в «Пленнике» в кульминацию действия, где «офицер», нарушая контракт, безрезультатно в упор расстреливает «пленного».

ком уровне ретардация вписывается в «стандартную модель» нарратива, обогащая его. Но выпадения героя из поля действия в такие моменты, как несделанный шаг в объятия Клэр и зеркальный этому безвозвратный шаг от матери на войну и в эмиграцию, свидетельствуют о молчаливом вторжении автора в повествование на правах вершителя судьбы героя. Оцепенение героя в «жидком зеркале позднего воображенья» (т. 1, с. 46) подобно символическому оцепенению Онегина в финале романа в стихах А. Пушкина, и, пожалуй, если обращаться архетипическому истоку, впервые застыл Нарцисс, цветок смерти и символ самосозерцания. Познание себя лишило продолжение жизни смысла. Отражения образа автора в модусе автобиографического героя в лиминальных ситуациях приобретают форму молниеносного удара, вспышки сигнализирующего о затекстовой параллельной реальности. А сами моменты таких немотивированных в наррации лакун маркируют зазор между экзистансом автора и функционалом героя, делают героя не просто призраком, появившимся из сновидения, а авторским визави, медиатором между фикциональным и эмпирическим.

Анарративность у Газданова возникает в результате отграничения наррации о бессмысленном тотальном насилии от авторского мира, сопряженного с культурой. «Роль играетя и одновременно дискредитируется самоотчуждением» [Плеханова, 2015, с. 146]. Газдановский актер, как и его «закадровый» создатель, наделенные обостренной эмпатией, теряя себя (т. 1, с. 46) для жестокой реальности, становятся демиургами в «высшей реальности» вечных ценностей. При этом автор, не совпадая с нарратором, просвечивает в нем, являя героя как призрачную голограмму. В саморефлексии газдановских героев часто встречается оксюморонная коннотация «слепого видения», намекающая на *другое*, всевидящее око автора метароманного мира.

Привычка Николая к созданию трансперсональных миров («я создавал искусственные положения всех людей, участвовавших в моей жизни, и заставлял их делать то, что хотел, и эта постоянная забава моей фантазии постепенно входила в привычку» (т. 1, с. 51)) в «Науке любви» Д. Бейнса описывается в главе «Онейрический призрак. Сон наяву или полусон»: «Подобный процесс фантазирования о самом себе формирует “идеальное существо” – некую смесь из множества моделей личностей»⁶. Онейрический призрак как нарратор из «Вечера у Клэр» переходит в «сон наяву или полусон» постсмертного существования «Возвращения Будды» и в забвение после борьбы со сном «Призрака Александра Вольфа», в котором лабиринты зеркальных отражений архитектоники не дают однозначной картины убийства и последующего сюжетного действия. «Самосознание не участвует в той жизни, которую сознает, отстранено от нее, и поэтому страх перед другим самосознающим “я” оказывается как бы страхом перед движущимся мертвецом. Призрак похож на рефлексивную личность, а рефлексия заставляет предполагать призрачность и в живом» [Фрумкин, 2003, с. 179].

Репрезентация сна у Г. Газданова редуцируется до представления о нем как контингентном существовании, включающем в себя и бодрствование в тривиальном понимании. Гипнотическая иллюзорность реальности оборачивается «коллективным безумием», чреватым безвозвратной потерей себя и превращением

⁶ Бейнс Д. Наука любви. 2000. 288 с. URL: https://vdkuznetsov.wordpress.com/2016/04/18/онейрический_призрак/ (дата обращения 08.07.2020).

в призраке после акта убийства-самоубийства. Сон выступает и как обозначение всей жизни человека, и как полная утрата души в совершении убийства. Нарраторы-призраки в метаповествовании писателя, транслируя «слепое знание к неверному постижению чудесного» (т. 1, с. 80), томительно предчувствуют иную жизнь. Сквозь симультанность здешнего мира просачивается мир истинностных значений. Образ автора позиционируется как незримый хранитель из мира иного, сопряженного с культурой – вечностью в ее идеальных образцах: «Читая Дон-Кихота, я представлял себе всё, что с ним происходило» (т. 1, с. 51).

Нарративно-анарративная структура действия изоморфна системе координат время/вечность, предложенной нами в статье о художественном времени у Г. Газданова [Ivanov, 2018]. «Невидимая вертикаль, лежащая под поверхностью»⁷ текста, по выражению В. Нёта, является источником анарративных проявлений в горизонтально внешнем течении действия. Вставки странного, алогичного, абсурдного («из ряда вон») в нарратацию подвергают наличное сомнению и указывают на преходящесть и конечность видимого, а также его иллюзорность. Например, такие словосочетания с трудно идентифицируемым смыслом, как «в неверном свете слепого знания» (т. 1, с. 79), поддаются «разгерметизации» в свете концепции Н. Арутюновой: «Создается подчиненный особой логике мир души. Предложения, которые в их прямом смысле были бы квалифицированы как аналитически ложные (т. е. ложные в силу противоречивости значений входящих в них слов), применительно к жизни души не только истинны, но и точны» [1999, с. 397]. Вне рациональности целые пассажи, как, например, в «Призраке Александр Вольфа» («Он полагал <...>, что смерть и счастье суть понятия одного и того же порядка, так как и то, и другое заключает в себе идею неподвижности» (т. 3, с. 106)) или в «Вечере у Клэр» («память... покрывала мои воспоминания прозрачной, стеклянной паутиной и уничтожала их чудесную неподвижность» (т. 1, с. 48)). Если в первой фразе квазилогика оформляется хотя бы связкой «так как», то последнее суждение полностью нереферентное. Оба высказывания объединяются концептом «неподвижность», который сообщает «идею» о нетемпорально континуальной вечности, прошивающую событийно временное течение жизни. В ряду со «счастьем» и «воспоминанием» «смерть» является сферой истинностного измерения, перпендикулярного ложности видимого мира. Общепринятые представления здесь переворачиваются, поскольку значение считается не с поверхности. Иначе говоря, в слове «воспоминание» на первый взгляд присутствует предикативность, а в слове «память» нет, и выражение кажется семантически несогласованным: «память» – «покрывала», «воспоминания» – «неподвижность».

Газдановский герой существует в призрачном мире после братоубийственной войны и вне искомого витального пространства родины, будто реализовался сон Раскольникова на каторге. Его движение к «доволощению» сквозь смерть – «перерождение» мира убийств и бездомности обусловлено окружающим хаосом и профетической связью с высшей инстанцией инобытия, внепространственно-вневременной и «неподвижной» как сакральный ориентир. Призракоподобные герои Газданова – динамичные аватары автора, как протеистического источника нарративного процесса. Взаимодействие авторской матрицы с фикциональным

⁷ Винфрид Нёт. Текст как пространство. URL: <https://pandia.ru/text/78/463/89823.php>

миром сюжетного действия сопряжено с эманациями иной природы. Эти миры конгруэнтны, но мир автора иерархически выше, тоньше и полнее. В результате его избыточности и продуцируются анарративные элементы. «В целом создание лексики и грамматики чувств есть результат великого усилия человека познать самого себя» [Арутюнова, 1999, с. 399]. В контексте всего повествования «память» фундирует «глубочайший душевный обморок» (т. 1, с. 52), «безмолвный грохот величайшего потрясения в моей жизни» (т. 1, с. 100), «душевную болезнь» в русле теории А. Ухтомского «о доминанте» [2002], где память, как воронка, постоянно возвращает к психологической травме, т. е. память против воли человека не дает ему развиваться, превращает в автомата. Негативно активная память подталкивает человека к трагическим «ошибкам», призрачности как утрате души. А «неподвижность» у Г. Газданова – «смерть» как «вечность» и культура, континуально вертикальный способ самосознания личности, противоположный механической суете в образах «деловитых старух», которые «обгоняли меня, перебирая слабыми ногами» (т. 1, с. 39), или горничной Клэр с ее «манией передвижения, или просто малозаметным, но несомненным ослаблением умственных способностей, связанным с наступающей старостью» (т. 1, с. 40). «Воспоминания» в отличие от «памяти» пульсируют в одном режиме с культурой («почитанием света»). Имагинативность сознания разрушает относительность представлений бренного и неприглядного мира, а высший градус творческой интенции ведет к «счастью», гармонии, порядку.

Анарративные элементы появляются неожиданно в самых разных стратах повествования. Иное измерение бытия актуализируется с помощью вставок грамматического настоящего времени в тотальное прошедшее в экзистенциально значимых моментах в «Вечере у Клэр» – смерть отца Соседова и путь в эмиграцию (последние слова романа). «Разрушением типовых нарративных структур» [Гюпа, 2017] выглядит любовный треугольник с отсутствующим мужем Клэр⁸. К анарративному вмешательству в линейность истории относятся фактуальные несоответствия в последовательности «потока сознания». Соседов рассказывает о своих детских экзальтациях: «оказывался попеременно то кадетом, то школьником, то солдатом – и только им» (т. 1, с. 53), но ему еще только предстоят в жизни эти социальные роли. В финале романа он сообщает: «Много позже мне пришлось слышать музыку этих островов» (т. 1, с. 59) («Борнео и Суматры»), хотя ни герой, ни сам автор никогда не бывали в Азии.

Самообладание рассказчиков в экстремальных условиях напоминает умиротворенность сновидца. «Остранение реальности через магический кристалл онейротопы позволяет увидеть трагическое превращение действительности в иллюзию» [Иванов, 2020, с. 316]. Газдановский актер-визионер, наделенный обостренной эмпатией, теряя себя (т. 1, с. 46) для жестокой реальности, становится автором в «высшей реальности» вечных ценностей. Сон у Г. Газданова релятивизируется до полярных смыслов: гибельная ловушка гипнотического автоматического существования и горизонт культуры как креативный мир грез. Криптосемантика этого понятия выявляется в контексте художественной философии автора. Сон демон-

⁸ Еще в «Евгении Онегине», с которым «Вечер у Клэр» связан эпиграфом из «Письма Татьяны», любовный треугольник оказывается ложным как жанровый канон любовной истории с поединком, так как Онегин не просто равнодушен, а ироничен к Ольге.

стрирует принцип дополнительности в изображении насилия и культуры как переходящую видимость реальности и невыразимое иное, доступное через сопереживание и альтруизм или «реализм в высшем смысле».

Определение «роман – это движение чувств» из «Эвелины и ее друзей» (т. 4, с. 335) является основой анализа анарративной функциональности *Prozess des Schreibens* (*Writing Emotions*) – «написания эмоций». Следуя за И. Яндль, мы рассматриваем своеобразие стиля Г. Газданова в контексте «эмоционального поворота» новейшего времени. В концепции И. Яндль творческий опыт Г. Газданова выступает отражением глубинных подсознательных процессов, активированных в непосредственном жизненном опыте, и обнаруживаются они в мотивном слое произведения как движение к «довоплощению». Анарративное у Г. Газданова проявляется «в индексных симптоматических признаках, возникающих в результате описанных ситуаций (из значимых единиц или мотивов), и может быть выведено косвенно из их отношения к общему тексту. Этот нелингвистический уровень обостряет взгляд на подсознательно выраженную информацию, которая играет центральную роль в контексте эмоционального подавления, травмирования или неинстинктивного поведения, приобретенного в результате социализации» [Jandl, 2019, S. 18]. Объективная реальность – источник художественного нарратива в высказываниях газдановских повествователей не становится «ментальным событием», ибо оставляет героя «равнодушным ко многому, что меня непосредственно касалось» (т. 1, с. 125). Автор противопоставляет не внешние переменные (война и мир, родина и эмиграция), а кажимое и сокрытое в рамках нарративной игры. Поэтому мотив борьбы со сном как опасностью погибнуть в «Призраке Александра Вольфа» и «Пленнике», т. е. актуализация семантики «смертный сон», безвозвратной потери самости не исключает сон как «смерть есть вечная жизнь» в романтически интеллектуальных идеализациях первых романов писателя (например, «сон о Клэр»), и возможное здесь и сейчас интуитивное «пробуждение» «среднего француза» Пьера также вписывается в эту универсальную категорию.

Анарративные элементы занимают в повествовании неакцентуированное положение. Они подобны рассеянным огонькам эмигрантских кораблей в панораме ночного моря в последней картине «Вечера у Клэр». Но их присутствие не позволяет тьме стать кромешной, эсхатологичной, монолитным каркасом безысходности. Телеологию газдановских героев характеризует интенция к довоплощению. В народной культуре недоношенных детей ритуально доводили до кондиции в русской печи – это называлось «перепеканием». У Г. Газданова «печалью»-перепеканием⁹ исцеляется болезнь любви в «Вечере у Клэр». Через подтекстуальное противопоставление двойничества буддийским «золотым рыбкам» (символу гармонии) из рассказа Александра Вольфа смягчается виктимологическая коллизия в «Призраке Александра Вольфа». В последних произведениях писателя

⁹ «Печаль», появившаяся после близости с Клэр, также анарративна. Она транслирует эзотерическое представление о пленении телом души, вследствие которого тварный мир неизбежно дисгармоничен. Анарративность состоит в том, что в тексте нет объяснения «смерти любви». Герой, воссоединенный с возлюбленной и любующийся ею, по «закону жанра» должен быть счастлив, а не печален. Иное довоплощенное существование находится в мире, просветленном духовным зрением. Этот мир пребывает в одном дискретном пространстве с обычным несовершенным миром, но не сливается с ним.

универсалия сна из анарративной индексации авторского голоса перерождается в дискурсивную плоскость, где зазор между компетенцией автора и «полифонией» голосов персонажей не столь очевиден. Так, в «Эвелине и ее друзьях» к определению нирваны одного из героев мог бы присоединиться и автор-творец: «...не похоже на погружение в небытие. У тебя в этом состоянии остается самая ценная, по-моему, возможность, которая дана человеку, – созерцание. Ты видишь жизнь, которая проходит перед тобой, но не принимаешь в ней участия. Перед тобой начинается беззвучное движение, за которым ты следишь и смысл которого тебе становится яснее и понятнее, чем когда бы то ни было» (т. 4, с. 43). А альтруизм «Пробуждения» – уже почти монолог авторского Я о смысле жизни. Сон как стратегия автора уточняет метароманную модель становления, традиционно ассоциируемую с Г. Газдановым. Метаповествование стремится не к «довоплощению» (это прерогатива его героев), а к «перерождению» как состоянию самадхи – достижению просветления и высшей мудрости, которые начинают позиционироваться уже в первых текстах писателя в виде анарративных включений.

Используя сон как анарративную стратегию, Г. Газданов изображает фатальную заданность жизненного пути. Жизнь как сон в онтологии Г. Газданова субституирует контингентное существование человека в череде «ошибок». За этой «фикцией», лишенной «смысла» (т. 1, с. 122), скрывается «иное», свободное от насилия и эгоизма, вечный мир творчества – работа души над созданием «иных образов».

Список литературы

- Арутюнова Н.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бахтин М.* Человек в мире слова. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. 140 с.
- Бейнс Д.* Наука любви. 2000. 288 с. URL: https://vdkuznetsov.wordpress.com/2016/04/18/онейрический_призрак/ (дата обращения 08.07.2020).
- Иванов Е.* Метамотив насильственной смерти в прозе Гайто Газданова // Вестник Удмурт. ун-та. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, № 2. С. 311–319.
- Лурье В.* Введение в критическую агиографию. СПб.: Аxioma, 2009. 238 с.
- Нёт В.* Текст как пространство. URL: <https://pandia.ru/text/78/463/89823.php> (дата обращения 08.07.2020).
- Плеханова И.* Литературный герой как «прототип» личности писателя: условия «узнавания» и художественные следствия идентификации // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 1. С. 139–158.
- Руднев В.* Механизмы жизни. Белград: Филологический факультет, 2018. С. 48–50.
- Тюпа В.* Автор и нарратор в истории русской литературы // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 22–39.
- Тюпа В.* Кризис идентичности как нарратологическая проблема // Narratorium. 2017. № 1 (10). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2637243> (дата обращения 28.01.2020).
- Проскурина Е.* Тезаурус смерти в прозе Г. Газданова // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск: Гео, 2018. Вып. 4, ч. 2: Мортальные сюжеты и мотивы в русской литературе XX в. (авторские тезаурусы). С. 114–150.

Ухтомский А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

Фрумкин К. Позиция наблюдателя: отстраненное созерцание и его культурные функции. Киев: Ника-Центр, 2003. 224 с.

Юрьева О. Отражение этнотипологии Ф. М. Достоевского в творчестве И. А. Бунина // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2018. № 2-1. С. 17–27.

Ivanov E. Public Lectures on the Novel of G. Gazdanov “An Evening with Claire” // 18th PC SF Professional Culture of the Specialist of the Future. 2018. DOI 10.15405/epsbs.2018.12.02.191

Jandl I. Textimmanente Wahrnehmung bei Gajto Gazdanov: Wahrnehmung bei Gajto Gazdanov: Sinne und Emotionen als motivische und strukturelle Schnittstelle zwischen Subjekt und Weltbild. Berlin [etc.], Peter Lang GmbH, 2019, 566 S.

Список источников

Газданов Г. Собр. соч.: В 5 т. М., 2009.

Достоевский Ф. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1996. Т. 15.

References

Arutyunova N. Yazyk i mir cheloveka. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1999, 896 p. (in Russ.)

Baines J. Nauka lyubvi. 2000. 288 p. (in Russ.) URL: <https://vdkuznetsov.wordpress.com/2016/04/18/oneyricheskiy prizrak/> (accessed 08.07.2020).

Bakhtin M. Chelovek v mire slova. Moscow, ROU Press, 1995, 140 p. (in Russ.)

Frumkin K. Pozitsiya nablyudatelya: otstranennoe sozertsanie i ego kul'turnye funktsii. Kiev, Nika-Tsentr Publ., 2003, 224 p. (in Russ.)

Ivanov E. Metamotiv nasil'stvennoy smerti v proze Gayto Gazdanova. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, 2020, vol. 30, no. 2, p. 311–319. (in Russ.)

Ivanov E. Public Lectures on the Novel of G. Gazdanov “An Evening with Claire”. In: 18th PC SF Professional Culture of the Specialist of the Future. 2018. DOI 10.15405/epsbs.2018.12.02.191

Jandl I. Textimmanente Wahrnehmung bei Gajto Gazdanov: Wahrnehmung bei Gajto Gazdanov: Sinne und Emotionen als motivische und strukturelle Schnittstelle zwischen Subjekt und Weltbild. Berlin [etc.], Peter Lang GmbH, 2019, 566 S.

Lurie V. Vvedenie v kriticheskuyu agiografiyu. St. Petersburg, Axioma Publ., 2009, 238 p. (in Russ.)

Nöth W. Tekst kak prostranstvo. (in Russ.) URL: <https://pandia.ru/text/78/463/89823.php> (accessed 08.07.2020).

Plekhanova I. Literaturnyy geroy kak “prototip” lichnosti pisatelya: usloviya “uznavaniya” i khudozhestvennye sledstviya identifikatsii. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2015, no. 1, p. 139–158. (in Russ.)

Proskurina E. Tezaurus smerti v proze G. Gazdanova. In: Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury. Novosibirsk, Geo Publ., 2018, iss. 4, pt. 2, p. 114–150. (in Russ.)

Иванов Е. Е. Сон в прозе Гайто Газданова как анарративная стратегия

Rudnev V. *Mekhanizmy zhizni*. Belgrad, Filologicheskiy fakul'tet Publ., 2018, p. 48–50. (in Russ.)

Тура В. Автор и narrator в истории русской литературы. *Critique and Semiotics*, 2020, no. 1, p. 22–39. (in Russ.)

Тура В. Кризис идентичности как нарратологическая проблема. *Narratorium*, 2017, no. 1 (10). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2637243> (accessed 28.01.2020). (in Russ.)

Ukhtomskiy A. *Dominanta. Stat'i raznykh let. 1887–1939*. St. Petersburg, Piter Publ., 2002, 448 p. (in Russ.)

Yurieva O. Otrazhenie etnotipologii F. M. Dostoevskogo v tvorchestve I. A. Bunina. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 2-1, p. 17–27. (in Russ.)

List of Sources

Gazdanov G. *Sobr. soch.* In 5 vols. Moscow, 2009. (in Russ.)

Dostoevsky F. *Sobr. soch.* In 15 vols. Leningrad, Nauka, 1996, vol. 15. (in Russ.)

Сведения об авторе

Иванов Евгений Евгеньевич – аспирант кафедры филологии и методики, отделение гуманитарно-эстетического образования Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

ayaom@list.ru

Information about the Author

Evgeny E. Ivanov – Graduate Student, Department of Philology and Methodology, Department of Humanities and Aesthetic Education, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

ayaom@list.ru

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 1